

Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева (Москва)

**«ЧЕСТЬ БЫТЬ РОССИЯНИНОМ».
АВТОГРАФЫ ЕКАТЕРИНЫ II, КНЯЗЯ
ПОТЁМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО, ПАВЛА I,
АЛЕКСАНДРА I: ПРИСОЕДИНЕНИЕ
И ОСВОЕНИЕ КРЫМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.
СОЗДАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
(ИЗ СОБРАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ).
К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ**

В 2022 г. исполняется 150 лет Историческому музею — великому памятнику национальной русской истории на Красной площади. Идея создания этого музея родилась в 1872 г., когда на Политехнической выставке в Москве был создан отдел Обороны Севастополя 1854—1855 гг.

В нашей книге рассказывается о присоединении и хозяйственном освоении Россией Крыма и Северного Кавказа, основании Черноморского флота и других важных вопросах жизни нашей страны конца XVIII — начала XIX в. Авторам-составителям удалось прочесть черновые карандашные записки Григория Потёмкина, который по праву получил титул светлейшего князя Таврического; расшифровать почерк несчастного Павла I, контраст которому представляет неповторимая подпись Александра I («Русского Сфинкса»).

Заканчивается книга письмом, написанным в страшный и героический 1812 год великой княгиней Екатериной Павловной. Русской крови в ней была лишь 1/16. И замуж её дважды выдавали за немецких принцев. Но всю свою короткую (31 год) жизнь она оставалась истинно русской патриоткой. Слова из её письма и дали название книге.

Немного об истории работы. В результате научного описания огромной коллекции под названием «Рукописные

книги и сборники из собрания П. И. Щукина» (фонд № 420) мы выявили и атрибутировали подлинные письма императрицы Екатерины II, императора Павла I и его семьи. Но главное открытие таилось в личном фонде светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (фонд № 197) — давно известном, но далеко не полностью прочитанном.

Казалось бы, что можно нового найти в этих документах, поскольку переписка Екатерины II с Потёмкиным хорошо известна по изданиям Н. Ф. Дубровина, В. С. Лопатина и многих других¹. Однако сопоставление хранящихся в ОПИ документов с ранее известными материалами выявило ряд существенных расхождений. Важные мысли, содержащиеся в черновиках, не вошли в официальные рапорты.

Книгу открывает собственноручное письмо Екатерины II Г. А. Потёмкину от 13 июля 1778 г. Этот документ был обнаружен М. В. Фалалеевой и экспонировался в Государственной Думе Российской Федерации в марте 2014 г., в связи с возвращением Крыма в состав России². Как Екатерину, так и Потёмкина особенно волновали вопросы, связанные с укреплением южных границ Российской империи и превращением её в Черноморскую державу. К этому времени Россия уже имела Керчь, Еникале, Кинбурн, права торгового мореплавания по Чёрному морю и строительства портов на Черноморском побережье. Было ясно, что Турция, едва оправившись от последствий войны 1768—1774 гг., попытается вернуть утраченные позиции.

Но особое место занимал Крым, который в любой момент мог стать форпостом агрессии против России. И здесь позиции государыни и её любимца разошлись в сроках. Григорий Александрович стремился как можно быстрее присоединить Крым к Российской империи. Екатерина же писала о необходимости тщательной подготовки присоединения Крыма к России. Она понимала, что расстановка фигур на шахматной доске европейской политики ещё не позволяет России осуществить подобную акцию. Это стало возможным немного позже, когда занятые в это время своими военными делами Австрийская империя, Франция и Англия реально помешать России не могли, а крымским ханом с 1777 г. был ставленник России Шахин-Гирей.

Помимо этого публикуются ещё три письма и рескрипт Екатерины Потёмкину, а также 40 с лишним черновики писем и рапортов самого Потёмкина за 1783—1790 гг.

В центре внимания, безусловно, был Крым. В конце 1782 г. Потёмкин прямо писал императрице, что «с Крымом достанется и господство в Чёрном море». И вскоре его идея получила реальное воплощение. В фонде Г. А. Потёмкина обнаружен весьма ценный документ, представляющий краткое изложение его секретных реляций императрице о Крыме за весь 1783 г. Так, 5 января князь сообщал, «что бунтовавшие в Крыму татары, устроясь силы российского оружия, покорились» и были прощены ханом Шагин-Гиреем³. Однако вскоре, подстрекаемый Портой Оттоманской, Шагин-Гирей стал интриговать против России, и 16 мая Потёмкин в своем рапорте прямо указал на необходимость удалить его из Крыма.

В тот же день Потёмкин испросил «Высочайшего повеления об отправлении из С.-Петербурга 37 полу- и картаульных единокоргов в Ахтиярскую гавань и прочие побережные места для отражения неприятельских покушений и даже зажигания их кораблей». 19 мая он пишет о «неудобности выводить из Херсонского порта корабли за не изысканием фарватера и повелении построить на Дону две пинки (двух- или трёхмачтовые парусные суда) для транспортирования снастей в Ахтияр, где вскоре изготовятся доки для построения кораблей». 27 мая — о необходимости в укреплении старых крепостей и строительстве новых в Крыму и на Тамани. 1 июня — о поставленном в Керчи и Еникале полку из двух гарнизонных батальонов и «позволении наименовать его Таврическим»⁴.

19 и 27 мая 1783 г. Потёмкин писал о чуме (или, как тогда говорили, «моровой язве»), появившейся в Тамани и перешедшей оттуда «в границы Новороссийской губернии», а затем и в Крым. Однако быстро победить эпидемию не удалось, поскольку не соблюдались даже самые элементарные меры предосторожности. Екатерина II была обеспокоена эпидемией. Потёмкин вынужден был признать, что первоначально принятые им карантинные меры «были слабы и без лекарей», и сообщал о новых предпринятых им срочных распоряжениях: «Сею язвою я был наиболее встревожен по рапортам из Крыма... Я немедленно кинулся туда, сделал распоряжения отделением больных и незаражённых, окуря и перемыв их одежду... принуждаю к чистоте. Хожу по лазаретам чумным и тем подаю пример». В сохранившейся в ОПИ специальной записке Потёмкина того же времени говорилось, что в Херсоне солдаты располагались

в землянках, где подвержены эпидемии; не было колодцев, недоставало бань, отсутствовали госпитали. Он успокаивал императрицу: «Всё будет заведено, устроено, тогда ж и болезнь не распространится». 29 июля Потёмкин с гордостью пишет: «Помощию Божию язва не распространяется ни в войсках, ни в губернии Вашей»⁵.

Именно эпидемия чумы вынуждала Потёмкина затягивать с обнародованием манифеста о присоединении Крыма к России, который был подписан Екатериной II ещё 8 апреля 1783 г.

Письма Потёмкина свидетельствуют о трудностях, которые пришлось преодолеть ему, чтобы сломить сопротивление хана Шагин-Гирея, которого подстрекали турки и местное духовенство не подчиняться требованиям покинуть Крым. При этом он противопоставлял враждебных России беев и муфтиев простому народу, обращая внимание на его «дружелюбное обращение... с нашими»⁶.

Наконец, 10 июля 1783 г. Потёмкин рапортовал императрице «о učinённой торжественной присяге собравшимися членами правительства Крымской области, беями, мурзами, духовенством и чернию с согласия всего татарского народа в 10-й день июля по закону их при полной тишине и учреждённом Магометанском суде для наблюдения правосудия и порядка». В рапорте от 30 июля Григорий Александрович «изъявляет свою заботу о лучшей прочности приобретения Крыма и Кубани и о полной безопасности границ Российских». 22 октября фельдмаршал писал императрице «о желании татарских чиновников и мурз быть в российской службе» и просил разрешения награждать их чинами⁷.

При этом главным российским морским портом на Чёрном море продолжал основаться Херсон, основанный еще в 1778 г. как судостроительная верфь. 1 июня Потёмкин просил «об отпуске достаточной суммы денег для флотских в Херсоне работ». В других рапортах 1783 г. он писал о повелении Херсонскому адмиралтейству начать строительство фрегатов «о 50 пушках», а 22 сентября торжественно рапортовал «о спущенном благополучно 66-пушечном корабле, именуемом “Слава Екатерины”»⁸. Это был *первенец* Черноморского флота.

Ещё в 1778 г. Суворов при объезде крымских берегов обратил внимание на удобную бухту Ахтияр (белый утёс), который рассматривался как база для русских кораблей. В 1782 г. Потёмкин писал императрице, что Ахтияр лучшая гавань на свете.

В итоге указом Екатерины II 10 февраля 1784 г. предписывалось «устроить крепость большую Севастополь — там, где ныне Ахтияр». Потёмкин проделал огромную работу по подготовке этого порта, о чём свидетельствует его «Всепоподаннейший доклад» от 10 августа 1785 г. о крепостях в Тавриде: «Главная, и одна только крепость должна быть — Севастополь, при гавани того же имени». Также предлагалось укрепить крепости — Евпаторию; Сербулат; в Феодосии «возобновить строение городское и приморскую сторону оградить батареями»; у пролива Еникальского, ради «удержания десантов и верности сообщения с Таманом сделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление»⁹.

Отметим рапорты сподвижника и продолжателя дела Потёмкина Н. С. Мордвинова, адмирала, командовавшего флотилиями на Чёрном море.

В его рапорте от 24 мая 1792 г. указывалось, что в Севастопольском порту «число благонадёжных к служению на море судов состоит из 7-ми линейных кораблей, 4-х пятидесятипушечных фрегатов, 7-ми сорокапушечных фрегатов, 1-го тридцатипушечного, 2-х двадцатипушечных акатов (акат — парусный и гребной двух- или трёхмачтовый корабль крейсерского типа. — *Ф. П., М. Ф.*), 20 крейсеров и 6 транспортных судов, в состоянии хорошем... Мачты на всех оных судах в состоянии хорошем; артиллерия удобна; стоящий такелаж на многих должен быть частью переменен, по причине перебития во время сражения». Планировалось также устроить удобные пристани, доки, краны, мастерские, магазины для провианта, склады для артиллерийских снарядов, пороховые погреба и церковь. Вблизи кораблей, по кряжам бухт, были поселены военные моряки, купцы и магистрат. В целях обеспечения безопасности корабельной гавани предлагалось отдельно на Северном берегу Севастополя основать купеческий город, что позволило бы отделить «купеческие суда от военных» и товары выгружать прямо на берег, а не через рейд. Ввиду каменистой и горной местности и отдалённости лесов предполагалось пригласить из Екатеринославской губернии бахмутских и донецких помещиков, которые должны были «искапывать из своих земель уголья», находящиеся у них «в великом количестве», и доставлять на транспортных судах через Таганрог в Севастопольский порт¹⁰.

В том же месяце Мордвинов подал Екатерине II отчёт о состоянии двух других военно-морских портов — Херсона и Николаева.

В Херсоне находилось Черноморское Адмиралтейское правление, председателем которого после смерти Потёмкина в 1792 г. был назначен Мордвинов. Из рапорта мы узнаём, что при Адмиралтействе производилось строительство военных фрегатов — одного двадцатипушечного, другого тридцати-четырёхпушечного, а также и других судов, на что правительство ассигновало большую денежную сумму — почти 4 млн р. В Херсоне также был построен литейный завод, который выпускал в месяц от 20 до 25 осадных пушек.

Город Николаев, основанный в 1789 г., строился как корабельная верфь и в будущем стал центром кораблестроения и центром управления Черноморским флотом. Устье реки Ингул, где был основан город, было более удобным для строительства кораблей, нежели Херсон. Как писал Мордвинов, в 1792 г. основное положение в городе занимало Адмиралтейство, располагавшееся при устье Ингула. Активно строились 90-пушечный корабль и военные фрегаты (26- и 42-пушечные). В 12 верстах от Николаева в селе Богоявленском (ныне Корабельная часть города) на реке Буг были построены пристань, паром, каменный дворец, дома для офицеров, госпиталь и Земледельческое училище. Потёмкин планировал создать здесь и «училище для мореплавания»¹¹.

По инициативе Потёмкина в 1784 г. в Крыму была создана Таврическая область (губерния), а сам Григорий Александрович получил к княжескому титулу почетную приставку «светлейший князь Потёмкин-Таврический». Екатерина II повелела центром этой области сделать город Симферополь (в переводе с греческого языка — «город пользы»). В ОПИ ГИМ сохранился рапорт Потёмкина императрице от 10 августа 1784 г., в котором он писал: «Симферополь для города губернского наилучшее место у Ак-Мечети, потому что город сей почти в середине земли, довольно имеет воды и лесов, и съезд из деревень, куда путь удобнее по причине ровного положения»¹². Так рядом *со старой* Ак-Мечетью возник *новый* русский город Симферополь.

В черновике всеподданнейшего доклада Потёмкина от 10 августа 1785 г. говорится, что восточная граница Таврической области должна идти «по реке Берде», «присовокупя и донские селения». Но в самом рапорте Екатерине Великой области определялись восточнее, до реки Кальмиуса, т. е. включая земли современной самопровозглашённой Донецкой народной республики. Присоединение новых земель шло параллельно с их

хозяйственным и культурным освоением. Большую заботу светлейший князь придавал хозяйственному освоению Крыма, указывая на необходимость заведения на полуострове суконных фабрик, производства «продуктов крымских, пшеницы и соли»¹³.

Написанные Потёмкиным «Наставления профессорам экономии» требовали от них «объехать все казённые селения», обращая внимание, в каком они состоянии, и «как разделена земля и достаточно ли для каждого». Всё домоводство устроить, сообразуя качеству земли здешней, со всеми изобретениями, в Англии введёнными, в образе пахания земли, в обороте посевов, в размножении полезных трав, и лучших орудий земледельческих, также гумны и овины. Завести мельницы же, где нет водяных, сделать ветряные»¹⁴.

Потёмкин сожалел о том, что, несмотря на «доброту земель Екатеринославской губернии и Таврической области», они из-за незаселённости не приносят никакой пользы, и «сия про странная и изобильнейшая земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей по её пропорции». В связи с этим он просил Высочайшего повеления «от Сената спросить по губерниям желающих добровольно переселиться... много охотников будет, а паче однодворцев, которые крайне обрезаны землями, как то в Курской губернии. Плодородие здешних земель доставит впредь продовольствие другим местам России»¹⁵.

Потёмкин заботился об освоении новых земель старообрядцами. 10 августа 1785 г. он, в частности, предлагал дозволить всем старообрядцам переселяться на места, лежащие между Днепром и Перекопом¹⁶.

Особое внимание Потёмкин уделял городу Екатеринославу (Днепропетровск). «Где же инде, как в стране, посвящённой славе Вашей, быть городу из великолепных зданий», — писал он императрице. Григорий Александрович старался устроить новый город по образцу городов Древней Греции и Древнего Рима, в чём сказался его интерес к античности. Потёмкин подчёркивал, что старания местных зодчих недостаточно — необходимо «изящество возобновления Афин». Он писал даже, что знает «строение и науку архитектурскую лучше всех архитекторов»¹⁷. Тем не менее, для строительства города Потёмкин пригласил знаменитого петербургского зодчего И. Е. Старова, и его замысел и лёг в основу существующего города, построенного в 1790—1792 гг. Потёмкин, воспитанник Московского университета, не мог не озаботиться

созданием университета в Екатеринославе. Однако университет был основан лишь в 1918 г.

Значительную часть переписки занимают материалы о войнах России с Турцией (1787—1791 гг.). Главная задача решалась на Чёрном море.

Прежде всего, об осаде и взятии крепости Очаков. Известно, что приказ о штурме («Расположение генеральной атаки Очакова») Потёмкин составил 1 декабря 1788 г., а 4 декабря сделал дополнение к нему. Нам представляется, что публикуемый документ из фондов ОПИ представляет самостоятельную ценность. «Главное, — считал фельдмаршал, — завладеть ретраншементами и землянками, атакуя турок со всех сторон. А если они побегут в крепость, то преследовать их сомкнутым строем. Всем колоннам предписывалось выступать попеременно непременно до восхода солнца, ибо “перед светом турки спят крепко”. Когда в какой-либо колонне раздастся крик “Ура”, всем другим дружно выступать. Внезапное нападение во всех местах лишит неприятеля возможности спрятаться в землянках и домах, где и истреблять всех скоростижно»¹⁸. 6 декабря 1788 г., в день Святителя Николая, Очаков был взят штурмом русскими войсками.

Особый интерес представляют рапорты Потёмкина о взятии Бендер от 4 и 9 ноября 1789 г. В первом, в частности, говорилось: «Всевышний даровал мне новую славу оружию Вашего Императорского Величества. Бендеры, будучи стеснены и уstraшены войсками, пали к освящённым стопам»¹⁹.

Но особенно примечателен второй рапорт. Приведём только несколько цитат. «Имея лишь 8 осадных орудий, Потёмкин подводил к крепости войска по частям», потом ещё «50 судов с Черноморскими казаками» и отряд русских войск, последний «стал лагерем напротив больших их пушек». Когда присланный для переговоров турецкий парламентёр заявил, что туркам «потребно 20 дней для выхода из крепости», то Потёмкин ответил, «что не привык я с ними торговаться, а что открою огонь, если не будет от них решительного отзыва» и приказал «изо всех пушек произвести выстрелы. И от сего пришли в крайнюю робость и прислали **посольство** с донесением, что паша и город отдаются неограниченно в мою волю». Ровно в час дня «неприступная» крепость Бендеры пала! «Всевышний даровал Вашему Императорскому Величеству блистательную кампанию, которая Его помощью свершилась в два месяца. К сему присовокупляются

поздравления от Генералитета, офицеров и всех неутомимых и храбрых солдат Ваших. Христос наша сила, и мы в воскресение воспоём благодарственное в храме Святого Георгия, обращённом из главной мечети»²⁰.

Одновременно с Турцией Россия оказалась вовлечённой в войну со Швецией, начатой летом 1788 г. королем Густавом III, который отдал приказ своему брату напасть на русский флот у Кронштадта. Навстречу из Кронштадта вышла эскадра адмирала С. К. Грейга. В собственноручно подписанном Екатериной II рескрипте говорилось, что «6-го числа июля НАШ флот имел со флотом Шведским сильное и упорное сражение с обеих сторон, продолжавшееся от 5-ти часов вечера до 10-ти часов беспрерывно. Мы взяли корабль семидесятипушечный, “Принц Густав” именуемый, на котором находился граф Вахтмейстер, командовавший авангардиею флота неприятельского под флагом вице-адмирала; он отдался, спустя свой флаг пред кораблем “Ростиславом”, на котором был флаг НАШЕГО адмирала Грейга. Сражение кончилось при темноте ночной... Неприятель отступил и, отдаляясь, оставил нас Господствующими на месте победы... Он имел пятнадцать линейных кораблей семидесяти и шестидесяти пушечных и восемь больших фрегатов, которые вошли в их линию баталии»²¹.

Несомненный интерес представляет записка Потёмкина Екатерине II от 28 февраля 1789 г.: «Сверх общих правил боевого строя каждая нация имеет нечто ей свойственное, наипаче во флотах сие бывает по конструкции и часто по крепости или по ветхости судов, а паче калибра пушек. Для положений генеральных нужны мне сведения, в каком числе состоял флот шведский и каких рангов их суда: вместе ли он весь был или разделён, были ли лёгкие эскадры для крейсерств; какого рода мелкие их суда и с какой артиллериею. По взятому кораблю можно знать о числе экипажа, а по тому судить, предполагают ли они абордаж. Манёвр их был ли стремителен или больше состоял в укреплении линии, из чего бы можно увидеть, к чему они больше наклонны — наступать или обороняться. Сие мне крайне нужно, ибо тогда я узнаю, как свои устроить части и как действовать, тем паче, что в морском деле моя система состоит в калибре пушек, с чего меня не собьют все адмиралы в свете»²². Потёмкин исходил из того, что победы гребной флотилии над корабельным флотом турок во многом были обеспечены большим калибром пушек, установленных,

по его предложению, на русских судах. Как видим, одним глазом «светлейший» успевал следить и за происходящим в войне со Швецией.

Теперь о победах Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в Керченском морском сражении 8 июля и при мысе Тендра 28 и 29 августа 1790 г. «Мои инструкции, — писал Потёмкин 7 сентября 1790 г. главному докладчику императрицы А. А. Безбородко, — или мир, или война... Бездельник их капитан-паша, будучи разбит близ Тамана с повреждёнными кораблями, как курва, и теперь. Ещё пять судов починаются, а наскзал, что у нас потопил несколько судов. Сия ложь и у визиря была опубликована... Теперь было ещё у флота сражение, где они потеряли Капитанию и еще большой корабль. Адмирал Капитания Саид-бей у нас в полону. Капитания сожжена: тут потонуло 800 человек да живьём взяли с других кораблей и лёгкими судами 700 человек с лишком. У них разбитых судов много потонуло и все разбиты в прах. Бог нам, видимо, помогает, а они идут против Его власти». В другом письме Потёмкин писал генерал-майору В. С. Попову из Бендер: «Слава Богу, Ушаков начисто флот Турецкий разбил»²³.

«Фаворит», «Баловень Судьбы» — какими только эпитетами не награждали Потёмкина завистливые и куда менее талантливые современники. Сам Григорий Александрович ответил на это в коротком письме к Безбородко, также хранящемся в ОПИ. Письмо написано в период последнего пребывания Потёмкина в Санкт-Петербурге (февраль—июль 1791 г.): «Есть ли есть кто, имеющий право не терпеть от зависти, то это я, ибо в жизни никому не позавидовал»²⁴.

46 рескриптов Екатерины II, Павла I и представителей императорского дома адресованы генералу Ивану Васильевичу Гудовичу (1741—1820). Эти документы большей частью также посвящены теме утверждения и освоения Крыма и Северного Кавказа. Личность этого военачальника гораздо менее известна, но он тоже сыграл немаловажную роль в укреплении южных границ России и в определённой степени стал продолжателем дела безвременно умершего Потёмкина.

Командуя отдельным корпусом в очередной русско-турецкой войне, Гудович овладел турецкими крепостями Хаджибеем (с 1795 г. Одесса) и Килией (ныне город в Одесской области на берегу Дуная). За эти подвиги 12 ноября 1790 г. он был

произведён в генерал-аншефы и отправлен на Кавказскую укрепленную линию в качестве командующего Кубанским корпусом и начальника Кавказской линии.

Гудович занялся обеспечением Азовско-Моздокской линии от набегов горцев и получил высочайшее позволение построить несколько крепостей на Кубани и Тереке. В кратчайшие сроки в 1780-е гг. эта линия была построена. В своих посланиях императрице Потёмкин подчеркивал важное стратегическое значение этой линии, которая должна была не только удержать стремление турок и кавказских племен от нападений на Россию, но и «подкрепить» действия войск наших в Крыму. Екатерина II действовала опять-таки гораздо тоньше, и в этом отношении крайне интересен ее обстоятельный рескрипт Гудовичу, данный 9 мая 1792 г. из Царского Села и полученный им на горе Бештау. Императрица, одобряя распоряжение Гудовича о строительстве «крепостей и станиц на линии Кубанской для закрытия от горских народов владений наших», в то же время считала необходимым отделить преданных России кабардинцев от тех горцев, которые постоянно совершали набеги, используя при этом мусульманское духовенство: «Употреблять кстати и блеск, и страх оружия с тем, однако ж, чтобы не прежде приступить к таковой необходимой крайности»²⁵.

С восшествием на престол Павла I Гудович поначалу оказался в фаворе и получил чин генерал-фельдмаршала. Новый император продолжил политику Екатерины II по укреплению старых и строительству новых крепостей, а также расширению территорий на Северном Кавказе, о чём свидетельствует его письмо Гудовичу от 20 февраля 1797 г. В этом письме перечисляются крепости, города и укрепленные станицы, как находящиеся на Азовско-Моздокской линии, так и южнее её: Аварская, Константиногорская, Екатериноградская, Моздок, Шелководская, Григориополис, Кизляр, Кавказская, Атен, Кумское, Темнолесская, Ставрополь, Московская, Георгиевск²⁶.

В день коронации Павла I 5 апреля 1797 г., в день Пасхи, Иван Васильевич был возведён в графское достоинство. В 1798 г. Гудович был отозван с Кавказа и назначен сначала Киевским (март—июнь 1798 г.), а затем генерал-губернатором Волынским, Подольским и Херсонским.

В письмах Павла I содержатся ценные сведения о переломном периоде в истории русско-французских отношений. Основной

причиной были агрессивные действия Франции, стремившейся к созданию колониальной империи на Ближнем Востоке и захвату Средиземного моря. Запугивая Турцию «русской угрозой», французские дипломаты старались вовлечь Османскую империю в союз против России. При этом они сулили султану Крым и часть Грузии. Министр иностранных дел Французской республики в 1798 г. Шарль Морис Талейран прямо указывал на желательность разрушения Херсона и Севастополя. Еще 20 июня 1798 г. Павел писал из Павловска: «Нужно будет, Граф Иван Васильевич, по обстоятельствам вам быть готовым, взяв к себе как артиллерию, так и подвозной магазейн, для сбора войск». 6 августа 1798 г. император писал Гудовичу о важности Ионических островов: «Получа известие, что французы в Архипелаге, и посему могут и на Царьград покунуться, то моё мнение, чтоб тогда вы заняли вместе и соединено с Дашковым Молдавию, и так держать себя и его готово, прикрывая берега и Херсон, и пути, дабы помешать врагу»²⁷. К счастью, франко-турецкая коалиция сорвалась, прежде всего благодаря героизму русских моряков под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Однако в июне 1800 г. за критику прусских порядков, которые император Павел пытался ввести в русской армии, Гудович был безосновательно отправлен в отставку.

В последние годы недолгого правления Павла I было обращено особое внимание на поиски и охрану кавказских минеральных вод, а также на добычу руд на Северном Кавказе, в том числе золота и серебра. Об этом свидетельствуют копии императорских рескриптов и рапорты ряда высокопоставленных чиновников²⁸.

Внутренняя политика последних лет царствования Павла I нашла продолжение в начале царствования его сына. Речь о рапортах Александру I, взшедшему на престол 12 марта 1801 г., от министра внутренних дел графа В. П. Кочубея по трём конкретным сюжетам, связанным с хозяйственным освоением Екатеринославской и Новороссийской губерний, Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Во-первых, это основание виноделия; во-вторых, развитие шелководства (т. е. тому, чему уделял внимание Потёмкин в своих рапортах и записках). Новым было обращение внимания на упорядочение рыбных промыслов на Каспии — как бы мы теперь сказали, на вопросы рыбнадзора и экологии. Все эти рапорты были одобрены

императором, о чём свидетельствует его собственноручная «ви-за» в правом верхнем углу²⁹.

---

¹ Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769—1791 г. / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1997; Бумаги князя Потёмкина-Таврического: Сб. военно-исторических материалов. Вып. 6—8. СПб., 1893—1896; Г. А. Потёмкин: от вахмистра до фельдмаршала: Воспоминания, дневники, письма. СПб., 2002.

² ОПИ ГИМ. Ф. 1. Ед. хр. 104. Л. 2—2 об.

³ Там же. Ф. 197. Ед. хр. 1. Л. 82.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Там же. Ед. хр. 2. Л. 75—77.

⁶ Там же. Л. 90.

⁷ Там же. Л. 92 об.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 1. Л. 140—141.

¹¹ Там же. Л. 138—139.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Ед. хр. 2. Л. 51—52.

¹⁴ Там же. Л. 85—87.

¹⁵ Там же. Л. 41—42.

¹⁶ Там же. Л. 53.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 1. Л. 37.

¹⁸ Там же. Л. 108—109.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 2. Л. 4—5.

²⁰ Там же. Л. 8—9 об., 14—16 об.

²¹ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 17, 22 об.

²² Там же. Ф. 197. Ед. хр. 2. Л. 2.

²³ Там же. Л. 6—7, 12—13.

²⁴ Там же. Ед. хр. 1. Л. 7.

²⁵ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 116. Л. 24—28.

²⁶ Там же. Ф. 120. Л. 4—5 об.

²⁷ Там же. Л. 20—23 об.

²⁸ Там же. Ф. 420. Ед. хр. 159.

²⁹ Там же. Ед. хр. 126.